

и Расплюев арестовывает Тарелкина только после того, как неожиданно отыскиваются в комод «потерянные» зубы и волосы.

Еще в драме «Дело» (центральной части трилогии) Сухово-Кобылин сделал Тарелкина заядлым театралом («а театры им по вкусу; а к актрисам расположение имеют»⁶, – говорит про Тарелкина и его коллег один персонаж; «Белоручки, перчаточники, по театрам шататься, шалберить да балагурить», – бранится другой). Именно Тарелкин становится корифеем импровизированного хора из «Гугенотов», звучавшего в присутственном месте. Задумывая свою аферу с мнимой смертью и шантажом начальника, Тарелкин мнит себя неуязвимым обманщиком вроде Фигаро (неважно, из комедии или из оперы).

Однако секрет неуязвимости дзанти комедийных европейских обманщиков состоит в том, что они, до мелочей зная свою среду, имеют возможность над ней подняться. А Тарелкин, как выяснилось, не знал реальных людей, которые его окружали. Не учел неодолимого энтузиазма полицейских дознавателей, покорности купцов, баб и дворян, которые с готовностью будут давать показания против его новой личности. И главного своего противника – генерала Варравина – недооценил. А свои возможности и способности, напротив, переоценил. Взяв от европейского обманщика только самую внешнюю черту – самоуверенность, он доказал свое внутреннее несоответствие избранному амплу. Получился не Скапен и не Фигаро, а родной русский Петрушка, которого гротесковый Городовой тащит в полицию под его причитания.

История с персонажем обнаруживает параллелизм с жанровой эволюцией всего про-

изведения. Будучи лишенной привычного для пьес Сухово-Кобылина баланса комического и лирического, пьеса «Смерть Тарелкина» обнаружила крен от любимой автором французской драматургической традиции к совершенно новой для него стихии отечественного народного театра, который, очевидно, более подходил для решения поставленных автором задач.

Созданные под влиянием многолетнего уголовного преследования «Дело» и «Смерть Тарелкина» стали личной мезью Сухово-Кобылина чиновничьему сословию. Но если «Дело» – памфлет на судебный произвол – сохраняет сильное влияние французского театра и относится к классу «высокой драмы», то «Смерть Тарелкина» – памфлет на произвол полицейский – ориентирован на более демократического зрителя. Финальная часть трилогии была облечена в универсальную общепонятную форму стилизации под народную комедию с обильными фарсовыми элементами. Это делало сатирический заряд пьесы острее, а обличительный эффект – бескомпромисснее.

Примечания

- ¹ *Рассадин С.* Гений и злодейство, или Гений Сухово-Кобылина. М., 1989. С. 241.
- ² *Гроссман Л.* Театр Сухово-Кобылина. М.; Л., 1940. С. 79.
- ³ Там же. С. 82.
- ⁴ *Сухово-Кобылин А.* Трилогия. М.; Л., 1959. С. 280.
- ⁵ Народный театр. М., 1988. С. 259.
- ⁶ *Сухово-Кобылин А.* Указ. соч. С. 149.

УДК 821.161.1.09-1+929 [Пушкин+Тур]

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В ТЕКСТАХ ЕВГЕНИИ ТУР

Е. Н. Строганова

Тверской государственный университет
E-mail: enstrojanova@yandex.ru

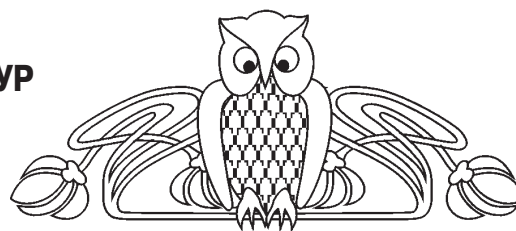
В статье поднимается вопрос о влиянии Пушкина на творчество русских писательниц XIX в., в частности, показаны пути освоения художественного опыта Пушкина Евгенией Тур. Писательница по-своему разрабатывала пушкинские типы «мечтательницы» и «лишнего человека», что было обусловлено не только новыми историческими условиями, но и факторами гендерного порядка.

Ключевые слова: женщина-автор, творческий диалог, гендерная корректировка истории литературы.

Eugene Onegin in the Texts of Eugeniya Tour

E. N. Strojanova

The article raises the question of the impact of Pushkin's works on the Russian women writers of the XIXth century. It shows the way of devel-

opment of Pushkin's artistic experience in the creativity of Eugeniya Tour. The woman-writer developed Pushkin's images of a «dreamer» and a «superfluous man» in her own way. Her interpretation was determined by the new historic conditions and gender factors as well.

Key words: woman-author, creative dialogue, gender correction of the history of literature.

Литература, как известно, литературна: писатель вдохновляется не только жизненными, но и читательскими впечатлениями, включаясь в творческий диалог с другими авторами и предшествующими текстами. Немало исследований написано о роли Пушкина в этом непрерывном диалоге. Особое значение для русской литературы имел роман «Евгений Онегин», который оказался

прецедентным текстом для многих писателей, преломившись в текстах Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и других авторов. Этому посвящено немало работ, однако в поле зрения исследователей не попадают тексты, принадлежащие перу авторов-женщин¹, что в числе других факторов актуализирует необходимость гендерной корректировки истории литературы. Невнимание к творчеству русских писательниц обедняет наше представление о развитии литературы XIX в. в целом и о роли пушкинского романа в частности.

Писательница Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, более известная под литературным именем Евгения Тур, принадлежала к творчески одаренной семье Сухова-Кобылиных: ее брат Александр Васильевич – автор популярной драматургической трилогии «Картины прошедшего»; младшая сестра Софья Васильевна – талантливая художница, первая женщина, получившая большую золотую медаль на академической выставке (в 1854 г.)². Литературная линия продолжилась в семье самой Елизаветы Васильевны (далее – Е. В.), чей сын, Е. А. Салиас де Турнемир, стал известным историческим романистом³.

Е. В. получила прекрасное домашнее образование, так как для обучения детей приглашались профессора Московского университета. Одним из ее учителей был профессор Н. И. Надеждин, литературный критик, издатель журналов «Телескоп» и «Молва», где печатались и его статьи о Пушкине⁴. Надеждин признавал талант поэта, но считал его легковесным. Диалог между критиком и поэтом развивался в рамках общей полемики начала 1830-х гг. между писателями-аристократами и демократами, к которым принадлежал и сам Надеждин, сын священника. На Пушкина он распространял свое представление о писателях-аристократах как людях недостаточно образованных: «Талант <...> не закупоренный печатью истинного образования...»⁵ В целом мнение Надеждина о Пушкине можно определить словами *талант, не оправдавший ожиданий*. Характерно высказывание критика по поводу VIII главы «Евгения Онегина», которое он распространял на роман в целом: «Напрасно самое пристрастное доброжелательство усиливало отыскать в нем черты высшего эстетического значения». В той же статье 1832 г., отзываясь на издание третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», Надеждин писал: «... талант Пушкина ощутительнее слабеет в силе, теряет живость и энергию, выдыхается»⁶. В свою очередь поэт адресовал критику несколько ядовитых эпиграмм, и в притчевой эпиграмме «Сапожник» уровень претензий своего оппонента Пушкин определил довольно резко: «Суди, дружок, не свыше сапога!».

В связи с нашей темой интересен вопрос, в какой мере суждения Надеждина о Пушкине повлияли на Е. В. и повлияли ли вообще. Его авторитет как наставника был для нее несомненен. Более

того, отношения учителя и ученицы со временем переросли во взаимную влюбленность, развиваясь по модели, традиционной для культуры первой половины XIX в.⁷ Этот любовный сюжет имел драматичную развязку. Надеждин сватался, но родовитые дворяне не пожелали родниться с разночинцем. Запланированный влюбленными побег не состоялся. Е. В. пережила нервное потрясение, родители увезли ее за границу и выдали замуж за французского графа Анри Салиаса де Турнемира (в России – Андрей Иванович). Брак оказался неудачным, супруги расстались, и Е. В. одна воспитывала троих детей. О романтических отношениях Е. В. и Надеждина необходимо напомнить, потому что впоследствии эта житейская ситуация реализовалась в сюжете одного из интересующих нас произведений писательницы.

Будучи учителем Е. В., Надеждин стремился не только передать ей определенные сведения, но и внушить свои понятия о жизни. Это, в частности, касалось назначения женщины. Его собственные суждения на этот счет не отличались оригинальностью: женщинам от природы дано «прекрасное назначение добрых жен и почтенных матерей, назначение <...> заключающее в себе столько истинного блаженства». В соответствии с этим он порицал любое отклонение от установленной нормы, в частности, представлял в самом неприглядном виде женщин, занимавшихся литературным трудом. В дневнике он описывал «тружениц типографий» как жалких существ, «с бледным лицом и красными глазами, закутанных в большую шаль, в полинялой шляпке, вышедшей из моды, без корсета, потому что корсет жмет вдохновение; без перчаток, чтобы свободнее кусать ногти, на которых остаются следы чернил; с корректурой, торчащей из ридикюля...»⁸ Однако вопреки предостережениям Надеждина Е. В. стала не только писательницей, но и первой женщиной в России, издававшей журнал-газету⁹ «Русская речь» (1860–1861). Таким образом, жизнь свою она строила, отвергая патриархатные установки, которые пытался внушить ей Надеждин, и была самостоятельна в своих пристрастиях. Это касалось и ее отношения к Пушкину.

Существуют упоминания, что увлечение Е. В. пушкинским романом в стихах повлияло на выбор псевдонима: вторая часть – сокращение от Турнемир, первая – имя главного героя (напомним, что сыну она также дала имя Евгений). О том, что пушкинский роман в стихах повлиял на писательницу, свидетельствуют также и тексты ее произведений. В художественной прозе и в публицистике Е. Тур находим цитаты и реминисценции из «Евгения Онегина», а также аллюзии на этот роман. Остановимся на повестях «Ошибка», «На рубеже» и романе «Три поры жизни».

Повесть «Ошибка» (1849) – первое оригинальное произведение писательницы. Здесь нет прямого цитирования Пушкина, нет реминисцентных формул, но присутствуют несомненные аллю-

зии на роман «Евгений Онегин». Главная героиня Ольга – своеобразное продолжение типа Татьяны Лариной и вместе с тем опровержение пушкинской трактовки этого типа. Пушкинская Татьяна мечтательница – «мечтательницей» называет свою героиню и Тур. Пушкинская характеристика Татьяны – «дика, печальна, молчалива, как лань лесная боязлива» – отзывается в репрезентации героини Тур: «...как скоро были другие, чужие ей люди, Ольга входила <...> в себя, укрываясь, как жемчужина в глубине раковины...». Как и пушкинская Татьяна, Ольга погружена в свой внутренний мир, которым «дорожит»: ей «трудно было <...> решиться раскрыть его перед другими»¹⁰. Ольга так же не способна на компромиссы и остается верна себе, отказываясь от соединения с любимым человеком (правда, в иной, чем Татьяна, ситуации).

Но сама трактовка типа мечтательницы отличается от пушкинской. Героиня Тур, подобно Татьяне, знание жизни черпает из книг, но различны характер и круг их чтения. Татьяна, в соответствии со вкусами эпохи, читает романы Ричардсона и Руссо и по ним формирует свои представления о любви. Романом «Юлия, или Новая Элоиза», героиня которого беззаветно отдается своей любви к учителю, Руссо сформировал и закрепил в литературе и в сознании читателей определенную модель любовного поведения. Следуя этой модели, Татьяна сама признается Онегину в любви и даже говорит: «То в вышнем суждено совете... То воля неба – я твоя...» – и это не предполагает, что он поведет ее под венец. Героиня Тур – персонаж другой эпохи, и в отличие от пушкинской Татьяны она читает не только и не столько романы. Для Ольги чтение – преимущественно интеллектуальное занятие: «...жажда знания была господствующей в ней страстью, и она читала все, что только могла»¹¹. Круг чтения ее разнообразен: Шиллер, Байрон, Шекспир, другие классические произведения и «критические разборы на них», новые исторические сочинения¹².

По сравнению с пушкинским романом Тур изменяет диспозицию мужского и женского персонажей. У Пушкина расстановка персонажей вполне традиционна: герой повидал мир, знает жизнь, отчасти пресыщен ею – героиня несведуща, не знает жизни¹³ и начинает взрослеть, только знакомясь с книгами Онегина. Тур использует прием гендерной инверсии, меняя персонажей местами. Герой повести Славин, невзирая на свободный образ жизни, несамостоятелен и управляем. Ольга, наделенная «зрелостью ума и мысли»¹⁴, лучше, чем он, понимает жизнь, она самостоятельнее в своих поступках и суждениях. Писательница пересматривает традиционные модели отношений между мужчиной и женщиной, ее героиня оказывается в своем роде наставницей мужского персонажа¹⁵.

В романе «Три поры жизни» (1854) онегинские аллюзии еще более очевидны. Главный герой Валентин Огинский – имя, напоминающее

об Онегине. Тур вводит роман Пушкина в свой текст самыми разными способами, в том числе и включая его в круг чтения героя. В «Евгении Онегине» Валентину «нравилось только одно лицо Ленского, да еще, может быть, поэтический образ Татьяны любил он представлять в своих мечтаниях, что касается до Евгения и Ольги, он громил их с высоты своего высокомерного чувства...»¹⁶. В образе Валентина писательница своеобразно контаминирует черты Ленского и Онегина. Он мечтатель, верящий, «как Ленский, что душа родная соединиться с ним должна»¹⁷. Однако очередное любовное потрясение превращает Валентина в существо «полуразрушенное», человека, осознающего бесполезность своего существования: «Что сделал он? Куда, к какой цели он стремился? <...> Где искать ему деятельности, да и есть ли она?»¹⁸ – а это уже Онегин, «лишний человек», страдающий от преждевременной старости души. В финале второй части романа Валентин, который иронически именуется Чайльд-Гарольдом, отправляется в заграничное путешествие, что дважды отсылает к пушкинскому герою, который, как помним, сравнивается с Чайльд-Гарольдом («Как *Child-Harold*, угрюмый, томный в гостиных появлялся он...»), и, желая развеять привычную скуку, едет путешествовать (правда, по России). *Наконец, очевидной проекцией на «Евгения Онегина» являются две цитаты, использованные Тур в качестве эпиграфа к третьей части романа:* «Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел» и «Кто чувствовал, того тревожит / Призрак невозвратимых дней, / Того змия воспоминаний... грызет». Линию отношений Онегина и Татьяны отчасти напоминают взаимоотношения Огинского и любящей его Таты, которую он не сумел понять ни при первой, ни при второй встрече.

Героиня повести Тур «На рубеже» (1857) носит имя Татьяна. Конфликт основан на проблеме «неравного союза», сословного неравенства влюбленных: героиня – дворянка, вдова генерала; герой, Федор Павлович – сельский доктор, сын фельдшера. Поскольку творчество Тур практически не изучено, то до сих пор не было замечено, что этот персонаж является прямым предшественником тургеневского Базарова, напоминая его и родом занятий, и тем, что гордится своим низким происхождением. Между этими произведениями можно провести и другие параллели, которые должны быть предметом отдельного разговора¹⁹. Развитие основной сюжетной линии в повести, связанной с темой сословных предрассудков, навеяно историей жизни самой писательницы. Как когда-то юной Елизавете Сухово-Кобылиной родители не позволили выйти замуж за разночинца Надеждина, так и ее героиню родственники насильно разлучают с возлюбленным. Писательница в свое время пережила нервное потрясение, и эта история серьезно повлияла на ее последующую жизнь. В повести Тур трагизм ситуации усиливается тем, что героиня от бессилия, беспомощности

и невозможности изменить порядок вещей теряет рассудок.

В характеристике своей Татьяны Тур явно апеллирует к пушкинскому роману. Так, она пишет об изменении в отношениях между героями: «Он <...> отделил в уме своем помещицу нескольких тысяч душ, петербургскую даму, генеральшу от этой милой, доброй, чувствительной Татьяны, которую видел целый день у постели больных...»²⁰ Здесь целый букет онегинских реминисценций: петербургская дама, генеральша, притом еще и «бедным помогает». В другом пассаже показано состояние героини: «Куда девалась прежняя тоска ее, тоска, загнавшая ее в глушь забытого селенья?»²¹ – графически оформленная цитата из Пушкина подчеркивает преемственную связь между двумя Татьянами. В повести есть еще ряд цитат и реминисценций из произведений Пушкина²², которые убеждают, что его слово органично входит в тексты Тур, становясь их неотъемлемой частью.

Приведенные нами материалы помогают дополнить картину восприятия пушкинского романа и показать пути его освоения женскими авторами. Произведения Евгении Тур убеждают, что тексты Пушкина, прежде всего роман «Евгений Онегин», не просто входили в активный фонд ее творческой памяти, но и становились достоянием ее собственного художественного языка. Как и многие современники, Тур диалогически воспринимала роман Пушкина, проявляя наибольшее внимание к образу Татьяны и по-своему интерпретируя его. В повести «Ошибка» писательница использует прием гендерной инверсии, но, создавая образ мечтательницы, остается верна общему рисунку, намеченному Пушкиным. Образ Татьяны в повести «На рубеже» буквально ориентирован на первоисточник, но Тур изображает другую историческую эпоху и, делая героиню вдовой, создает предпосылки для ее отказа от социальных условностей – в этом смысле можно говорить о том, что ее Татьяна является прямым продолжением пушкинской. В меньшей степени для Тур были интересны мужские персонажи (что в целом характерно для авторов-женщин XIX в.), но своеобразную контаминацию черт Ленского и Онегина можно видеть в героине романа «Три поры жизни».

Примечания

- 1 В пушкинскую эпоху и позже образованные женщины были основными потребителями литературной продукции, и именно к читательницам адресовался в своих произведениях Пушкин.
- 2 Средняя сестра, Евдокия Васильевна, не отличалась творческими талантами, но вошла в историю русской литературы как адресат стихотворного цикла Н. П. Огарева «Buch der Liebe».
- 3 Старшая дочь писательницы, Мария, была женой известного военачальника И. В. Гурко, владевшего имением Сахарово в Тверском уезде. Переписка Е. В.

с дочерью и зятем хранится в фондах Тверского государственного объединенного музея (См.: *Строганова Е.* Сценарий собственной судьбы в письмах Е. В. Салиас де Турнемир // Тверской край – душа России : материалы науч. конф. Тверь–Торжок, 23–24 декабря 2005 г. Торжок, 2005. С. 126–133 ; *Она же.* Семья Гурко в письмах Е. В. Салиас де Турнемир // Филологический сборник. Вып. 1. Тверь ; Велико-Тырново, 2006. С. 5–8 ; *Она же.* Евгений Салиас в письмах Евгении Тур // Язык как зеркало времени : К 75-летию со дня рождения профессора Р. Д. Кузнецовой. Тверь, 2007. С. 180–193 ; *Она же.* Генерал И. В. Гурко глазами современников (по письмам Е. В. Салиас де Турнемир) // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. Вып. 1. Мінск, 2009. С. 168–180.

- 4 Пушкин поместил несколько стихотворений в журнале «Телеграф», в том числе известное стихотворение «Герой».
- 5 Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 261.
- 6 Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 187, 189.
- 7 См.: *Смирнова О.* «В ней нет и не должно быть ничего, кроме сердца»? (Е. Тур и Н. Надеждин) // Русская литература XIX века в гендерном измерении : Опыт коллективного исследования / науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь, 2004. С. 139–148.
- 8 *Козмин Н. Н. И. Надеждин.* Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912. С. 517.
- 9 Детские журналы женщины издавали уже с 1840-х гг. : «Звездочка» (1842–1863) и «Лучи» (1850–1860) А. О. Ишиловой.
- 10 *Тур Е.* Ошибка // Современник. 1849. № 10. С. 188.
- 11 Там же. С. 148.
- 12 Там же. С. 157.
- 13 См.: *Stroganova E.* «Приезжий из столицы» и «спящая красавица» (провинциалы и провинциалки в русской литературе XIX века) // Vater Rhein und Mutter Wolga. Diskurs um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Würzburg, 2005. S. 388.
- 14 *Тур Е.* Ошибка. С. 148.
- 15 Подобную модель можно видеть в романе Жорж Санд «Лелия». Е. Тур была одной из писательниц, которых современники называли «русской Жорж Санд».
- 16 *Тур Е.* Три поры жизни : роман : в 3 ч. М., 1854. Ч. I. С. 60.
- 17 Там же. Ч. I. С. 60.
- 18 Там же. Ч. II. С. 270.
- 19 Примечателен, например, акцент на внимании обоих персонажей к телесной красоте героини. Федор Павлович: «„Она хороша, очень хороша“, – подумал он и продолжил ее рассматривать, как рассматривают красавицу на картине. Она нагнулась: как был грациозен выгиб ее шеи и какою приятною линией соединялась ее головка с чудесными плечами и стройною талией, как хорошо эта маленькая головка оканчивала собою ее прекрасный стан!» (*Тур Е.* На рубеже // Русский вестник. 1857. № 20. С. 834). Базаров : «Этакое богатое тело! <...> хоть сейчас в анатомический театр» (*Тургенев И.* Полн. собр. соч. : в 28 т. М. ; Л., 1964. Т. VIII. С. 272).

²⁰ Тур Е. На рубеже // Русский вестник. 1857. № 21. С. 38.

²¹ Там же. № 20. С. 38.

²² К пушкинскому тексту восходит, например, мотив покая и воли, правда, связанный с женским персонажем: «...я устала, я хочу спокойствия, уединения, воли» (Тур Е. На рубеже // Русский вестник. 1857. № 21. С. 53). См. также реплику героя: «„Знаете ли что? Я начинаю думать, что вы не стоите любви. Помните эти стихи Пушкина:»

Так неприступны, так горды,

Так благочестия полны,

Что вид их уж рождает сплин“» (Там же. С. 61)

и диалог между Татьяной и ее кузеном, который высокомерно отзывается о Федоре Павловиче: «– Уездных барышень кумир, как сказал Лермонтов.

– Пушкин, cousin.

– Положим, и Пушкин, это все равно» (Тур Е. На рубеже // Русский вестник. 1857. № 22. С. 337).

УДК 821.161.1.09-3–95+929 [Писемский+Авдеев]

СТАТЬЯ О «ПОДВОДНОМ КАМНЕ» М. В. АВДЕЕВА И ВЗГЛЯДЫ А. Ф. ПИСЕМСКОГО НА «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirilif@info.sgu.ru

В статье впервые в неразрывной связи художественных образов и критических заявлений рассматривается отношение Писемского к вопросу эмансипации женщины, считавшейся современниками одной из центральных тем его творчества.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, М. В. Авдеев, критика второй половины XIX в., «женский вопрос», эстетическая программа А. Ф. Писемского.

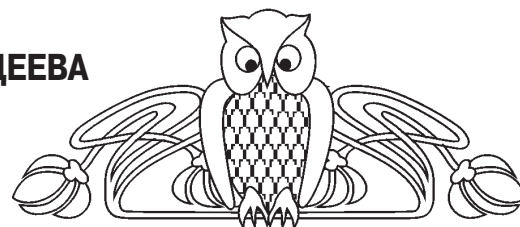
M. V. Avdeev's Article on the «Hidden Pitfall» and A. F. Pisemskiy's Views on the «Woman Question»

O. V. Timashova

In the article for the first time Pisemskiy's attitude to the issue of feminine emancipation is viewed in close connection with his artistic images and critical statements; the issue was considered one of the key themes of his works by his contemporaries.

Key words: A. F. Pisemskiy, M. V. Avdeev, criticism of the second half of the XIXth century, «woman question», A. F. Pisemskiy's aesthetic program.

Мировоззрение А. Ф. Писемского (1821–1881), одной из самых сложных фигур современной ему литературы, нашло выражение в нескольких атрибутированных¹ критических работах. Раздумья о задачах и типах художников в связи с трагической судьбой любимого учителя Гоголя, отразились в статье о втором томе «Мертвых душ»²; суждения о современной драматургии – в статьях и рецензиях времени редакторства в журнале «Искусство»³; программные журналистские концепции – в годовых объявлениях⁴; взгляды на проводимые в стране реформы – в злободневных фельетонах «Салатушки» и «Никиты Безрылова»⁵. Наконец, о «женском вопросе» писатель высказался в рецензии на популярный роман Михаила Васильевича Авдеева «Подводный камень» (1860)⁶. Однако если знаменитая статья о «Мертвых душах» широко дискутировалась и положила на-

чало полемике в критике⁷, работы, посвященные театру, изучались исследователями Писемского-драматурга⁸, годовые журнальные объявления – учеными-биографами А. П. Могиланским и М. К. Клеманом⁹, воззрения Писемского-критика на проблему женской «эмансипации» нуждаются в более пристальном изучении.

«Женский вопрос» стоял в центре целого ряда ранних (повести «Винювата ли она?», «Боярщина») и зрелых (цикл очерков «Русские лгуны», романы «Люди сороковых годов», «В водовороте») произведений Писемского. Однако уже современники отмечали, что взгляд писателя на тему женской свободы в браке противоречив. Он с сочувствием относится к героиням, ставшим жертвами семейной тирании и общественного порицания (Лидия в «Винювата ли она?», Анна Павловна в «Боярщине»). Но в его произведениях женщины, выбравшие путь «свободного» брака, неизбежно разочаровываются, а подчас гибнут (упоминавшаяся Анна Павловна, Марья в «Красавце», Елена Жиглинская в «В водовороте»). Более того, в повести «Винювата ли она?» герой-рассказчик, alter ego автора, обращается к стоящей на распутье героине с назиданием: «Крест ваш тяжел (алкоголик-муж, осуждение «света» и презрение собственной матери. – О. Т.), но вы его взяли и несите»¹⁰. М. К. Цебрикова, отдав дань сочувствию Писемского женщине, в финале своей статьи с иронией заметила, что последний неизменно обращается к своим героиням с призывом: «Бедные женщины, <...> терпите, пока есть силы, а не станет – умирайте, – так советует вам гуманный защитник ваших прав»¹¹. В дальнейшем прения о степени «эмансипированности» писателя продолжились. Так, Л. Аннинский доказывал, что репутация Писемского-вольномудца после запрета первой повести оказалась преувеличенной¹²; тогда как А. А. Рошаль, напротив, настаивает на развитии Писемским идей А. И. Герцена, что проявилось и в переключке с заглавием его повести «Кто виноват?»¹³.